

В тот день барышни повеселились на славу, однако дочь императорского купца всё же кое-что заметила. Хотя Ту И редко заглядывал в ту усадьбу, Ведомство дворцового хозяйства обставило её по чину, подобающему принцу. Семья Баочай издавна занималась поставками для двора, и в подобных тонкостях девушка разбиралась отлично. Поняв, что Линь Лан просто одолжил у кого-то этот дом, она лишь укрепилась в мысли: дом Линь куда могущественнее семейства Цзя. И в её душе зародились сомнения касательно планов матушки...

Примерно три месяца спустя, в день рождения Цзя Чжэна, Линь Лан, получив законный повод взять передышку на службе, с лёгким сердцем повёз сестру в поместье Цзя — продолжать игру в добрососедство. Их отец, Линь Жухай, наотрез отказался ехать: сослался на бесконечные проверки в Министерстве финансов и отправил детей отдуваться за всё семейство.

В доме Цзя ничуть не обиделись, что приехали только младшие Линь. За последние месяцы государь ясно дал понять всей столице: Линь Лан — его любимчик, которого он балует пуще собственных сыновей. Как говаривал отец Линь, благо ещё он сам держит сына в узде, иначе от государственной милости тот совершенно лишился бы берегов.

Впрочем, и сейчас дела обстояли немногим лучше. Благодаря императору все чиновники при дворе шептались о делах минувших дней — о той нерушимой связи, что когда-то соединяла владыку с дедом Линь Лана. Ныне лишь несколько старейших сановников, заставших смену двух эпох, знали подробности. В былые годы, во время кровавой борьбы за престол, они вовремя приняли верную сторону и не перечили воле государя. Те же из союзников императора, кто ратовал против его увлечения «мужской красотой», после кончины его деда были один за другим удалены от двора. Участь их оказалась незавидной, но всё же куда более сносной, чем судьба безумцев, сделавших ставку не на того принца.

Прошли годы, цензоры сменяли друг друга, но их прямолинейное упрямство оставалось прежним. Проведав о давней тайне, они принялись один за другим строчить доносы, обвиняя Линь Лана в том, что он очаровал государя. Всё тщетно. Император не собирался совершать прежнюю ошибку. Потеря деда Линь Лана стала самым горьким сожалением в его жизни, и теперь он ни за что не позволил бы внуку повторить ту трагическую судьбу.

Государь пропускал их жалобы мимо ушей, а цензоры не унимались. Линь Жухай тоже не сидел сложа руки: он тайно разузнал подноготную самых рьяных жалобщиков и накрыл несколько знатных «крыс». Император скорыми указами отправил взяточников на плаху, но честных и неподкупных цензоров это не остановило — они продолжали гнуть свою линию. Но и владыка уступать не думал, продолжая осыпать Линь Лана милостями. Члены Государственного совета поначалу хотели остаться в стороне, но, встретившись с Линь Ланом, невольно вспомнили его деда — блистательного и одарённого юношу. Мучимые виной за бывшее малодушие, которое когда-то погубило того человека, старые сановники единодушно решили взять Линь Лана под своё крыло.

Когда на самом верху император решает кого-то оберегать, а сильные мира сего ему поддакивают, у мелких сошек при дворе не остаётся иного выбора, кроме как строчить бесполезные жалобы.

Так что Линь Лан жил припеваючи. Старейшины Государственного совета на досуге часто приглашали его к себе — побеседовать о книгах, поупражняться в каллиграфии, испить чаю или сыграть партию в шашки го. Линь Лан официально вошёл в высший свет столицы. Вдобавок Её Величество императрица объявила Дайюй своей названной внучкой, превратив девушку в одну из самых завидных невест Поднебесной.

Неудивительно, что старая госпожа Цзя встретила брата и сестру с распростёртыми объятиями. Едва они переступили порог, как Дайюй тут же увели на женскую половину, а Линь Лан остался среди гостей-мужчин.

Круг общения Линь Лана и господ из дома Цзя различался как небо и земля. Приглашённые сановники явились сюда исключительно ради юноши: ещё до начала пира его обступили плотным кольцом и отпустили только тогда, когда подали угощения. Местные же столичные повесы и близко не могли сравниться с ним. Мериться с ним знаниями? Полноте! Его первым наставником был сам отец — Третий лауреат императорских экзаменов, его обучали знаменитые книжники, он слушал лекции в Императорском кабинете и даже помогал обучать принцев. Да он за пояс заткнул бы любого мудреца! Сравниться статью? Он унаследовал лучшие черты своего рода: высокий, стройный, с безупречной белой кожей — сам древний красавец Вэй Цзе позавидовал бы его облику. Но главное — у них не было ничего общего. Юноша предпочитал оставаться лишь сторонним наблюдателем чужого веселья, в то время как золотая молодёжь пускалась во все тяжкие.

Линь Лан не то чтобы презирал их общество, просто времени у него вечно не хватало: будни занимала учёба, в редкие выходные хотелось побыть дома, а если и выпадала свободная минутка, он отправлялся на прогулку с сестрой и детьми старых министров.

А столичные бездельники и сами не горели желанием общаться с Линь Ланом — классическим «образцовым ребёнком», которого им вечно ставили в пример. Так что юноша спокойно сидел в одиночестве, отдавая должное яствам. Цзя Лянь поначалу порывался развлечь гостя, но тот вежливо отказался, заметив, что хочет насладиться тишиной. Видя, что двоюродный брат держится непринуждённо, а старшие родственники то и дело зовут его к себе, Цзя Лянь со спокойной душой оставил его.

Но стоило Линь Лану пригубить вина, смакуя редкие минуты покоя, как к нему привязался один недоумок. Сюэ Пань, не брезговавший ни девицами, ни хорошенькими юношами, завидев редкого красавца, просто не смог пройти мимо. До этого момента он околачивался в другом конце двора, а потому не знал, кто перед ним, и принял одиноко сидящего Линь Лана за какого-нибудь безродного приживала.

От беспробудного пьянства у него совсем усохли мозги. Сюэ Пань даже не подумал: мог ли человек, сидящий на столь почётном месте, оказаться беззащитной жертвой для его домогательств? Пошатываясь, он подошёл со спины и бесцеремонно положил руку юноше на плечо. Линь Лан тут же брезгливо стряхнул её. Сюэ Пань ничуть не обиделся и со слащавой ухмылкой протянул:

— Эй, красавчик, из чьих будешь? Что-то я тебя раньше здесь не видел.

Линь Лан заметил, как заговорщически захихикали сидевшие неподалёку повесы. Всё стало ясно. Он не спеша развернулся:

— Я тебя тоже впервые вижу. Ты ещё кто такой?

Сюэ Пань горделиво выпятил грудь:

— Давай без чинов! Я — Сюэ Пань, хозяин Сюэ, собственной персоной!

Линь Лан презрительно усмехнулся:

— Надо же. А я-то думал, птица высокого полёта. Обычный торгаш.

Лицо Сюэ Паня налилось кровью от ярости:

— Ах ты, наглец! Да как ты смеешь так со своим дедушкой Сюэ разговаривать?! — И он замахнулся кулаком.

Остальные бездельники мигом протрезвели. Одно дело — тихо игнорировать Линь Лана, и совсем другое — безучастно смотреть, как его бьют. Если они допустят такое, головы им не сносить. Несколько человек тут же бросились разнимать их:

— Постой, Глупый тиран! Ты совсем ослеп от вина?! Это же господин Линь Лан, племянник твоего дяди! Остынь!

Линь Лан и сам собирался хорошенько проучить наглеца, но тут влезли эти прихлебатели с уговорами «не связываться с пьяным». Да кто они такие, чтобы лезть под руку? Не обращая внимания на суету вокруг, он холодно бросил:

— Прекрасно! Каков наглец этот господин Сюэ! Забил человека до смерти, сбежал в столицу и до сих пор мнит себя хозяином жизни? Погляжу я на тебя — ты, верно, поважней самих принцев будешь!

Эти слова прозвучали как смертный приговор. Державшие Сюэ Паня приятели мертвой хваткой вцепились в него, и до того наконец дошло, в какую пропасть он едва не рухнул. Залепетав, он попытался исправить положение:

— Ох, братец Линь, прости дурака! Залил zenки этой ослиной мочой, вот ум и помутился. Не признал родича, бес попутал! Давай я в знак примирения три чарки осушу, а?

Линь Лан поднялся из-за стола и брезгливо сплюнул:

— Тьфу! Кто тебе братец, шваль трактирная? Решил отделаться тремя чарками? Слишком дёшево ты ценишь свою шкуру!

В самый разгар перепалки подоспел Баоюй в сопровождении Фэн Цзыина. Заметив, что молодые господа сгрудились в углу и шумят, они поспешили на помощь. Перепуганные слуги, почуяв неладное, бросились наверх — предупредить старших господ.

Баоюй тут же вмешался, умоляя всех успокоиться и решить дело миром. Сюэ Пань, растерявший хмель, заискивающе заглядывал Линь Лану в глаза, но тот оставался непреклонен. Тогда Баоюй принялся уговаривать двоюродного брата, однако тот и слушать его не пожелал. Он сухо отрезал, что уходит.

Ситуация становилась критической. В разговор вступил Фэн Цзыин:

— Господин Линь, Сюэ Пань глуп и пьян, его выходка непростительна. Но умоляю вас, скажите сами, какое наказание вы сочтёте достойным, и мы исполним всё беспрекословно!

На самом деле Линь Лан и не собирался устраивать расправу прямо здесь. Всё-таки это был день рождения Цзя Чжэна. На самого Линь Лана и так в последнее время сыпались доносы пачками; одним больше, одним меньше — неважно, но устраивать дебош на празднике дяди по матери он считал ниже своего достоинства.

Но и прощать Сюэ Паня он не думал. Смерив Фэн Цзыина долгим взглядом, юноша холодно усмехнулся:

— Так вы и есть брат Фэн? Восьмой принц не раз хвалил ваше ратное мастерство и сокрушался, что нам всё не удаётся познакомиться. Что ж, вижу, вы и впрямь благородный муж.

Фэн Цзыин вежливо поклонился:

— Разве смею я притязать на столь высокую оценку Его Высочества? Так, балуюсь мечом на досуге, не более.

Слуга, побежавший звать старших, вернулся ни с чем: Цзя Чжэн собирался спуститься, но в этот момент прибыл государев евнух с приказом срочно явиться во дворец. Праздник мгновенно свернули, гости поспешили разойтись. На прощание Линь Лан условился с Фэн Цзыином о встрече в ближайшие дни и увёл Дайюй домой, даже не взглянув на забившегося в угол Сюэ Паня.

Глупец Сюэ Пань решил, будто гроза миновала и о его проступке забыли. Наивный хвостун! Линь Лан предпочитал платить по счетам на месте, но если он затаился — берегись. Это значило лишь одно: он копит силы для сокрушительного удара.

Вскоре после возвращения в Поместье Линь на пороге появился запыхавшийся слуга из дома Цзя с благой вестью: их старшая барышня пожалована титулом императорской наложницы. Услышав это, Линь Лан невольно вспомнил разговор, состоявшийся несколько дней назад в глубинах дворца.

Зал Умиротворения Сердца

Государь неторопливо развернул на столе свиток и позвал:

— Лан-эр, поди сюда, взгляни. Редкая вещица, чудом раздобыл.

Линь Лан с улыбкой подошёл ближе и присмотрелся к тонкому шёлку:

— И где же вы отыскиали такое сокровище, Лао-е-цзы? Почему меня с собой не взяли?

Император терпеть не мог, когда юноша именовал его «Вашим Величеством» — мол, звучит слишком официально и холодно, и требовал называть себя просто дедушкой. Линь Лан, опасаясь новых доносов от ретивых цензоров, наотрез отказался и сошёл на уважительном «Лао-е-цзы». Государь поворчал, но уступил.

— Так ты в тот день на уроках парился, — усмехнулся император. — Вот я и прихватил с собой пятого. Ну, гляди внимательней: настоящая кисть?

Линь Лан склонился над свитком, изучая искусные штрихи:

— Я ещё слишком молод, чтобы судить о столь редких вещах. А сами как думаете, Лао-е-цзы?

— По мне, так чистейший подлинник, — хмыкнул старик. — Стал бы я иначе тратить на него казну?

Линь Лан притворно задумался и важно кивнул:

— Ну раз так, значит, точно подлинник.

Государь заливисто расхохотался и повернулся к вошедшему в зал Ту И:

— Глян-ка на этого хитреца! Тоже выучился лести!

Принц почтительно поклонился отцу, а затем бросил короткий взгляд на Линь Лана:

— Ему ума не занимать, отец. Лан-эр мастерски умеет втираться в доверие.

— Клевета! — шутливо возмутился Линь Лан. — Какое угодничество? Я лишь подтвердил очевидную истину!

Император, глядя на его притворно обиженную мину, лишь рукой махнул:

— Ладно, ладно тебе дуться, не то и впрямь расплачешься!

Заметив нерешительность сына, государь посерьёзней:

— Что у тебя, Ту И? По делу пришёл?

— Верно, отец. Хотел просить твоего высочайшего совета, — кивнул принц.

Линь Лан попятился к выходу, намереваясь оставить их наедине, но государь остановил его:

— Лан-эр, останься. Нам нечего скрывать.

Юноша замялся, чувствуя себя неловко, однако Ту И подтвердил:

— Не уходи. Это касается и тебя.

Затем принц продолжил:

— Матушка-императрица рассудила, что мне уже пора остепениться и обзавестись семьёй. Она желает сосватать за меня Цзя Юаньчунь, старшую дочь Цзя Чжэна, помощника министра в Министерстве работ. И просит твоего соизволения.

Императрица давно заметила, как часто Линь Лан и Ту И проводят время вместе у государя. Помня, что во дворце служит двоюродная сестра Линь Лана, Цзя Юаньчунь, она решила устроить этот брак, надеясь тем самым завоевать расположение фаворита. Увы, Её Величество слишком долго жила взаперти и растеряла связь с внешним миром. Она наивно поверила рассказам Цзя Юаньчунь о том, какими близкими узами связаны дома Цзя и Линь. Так и родилась эта нелепая затея.

Выслушав сына, император повернулся к Линь Лану:

— Ну а ты что скажешь? Посуди по-семейному, без чинов.

Линь Лан никак не ожидал, что сестрицу Юаньчунь сосватают Ту И. Желания потакать амбициям госпожи Ван у него не было вовсе, а потому он ответил без прикрас:

— Я не слишком жалую семейство своего дяди по матери, Лао-е-цзы. Моё мнение здесь будет предвзятым, так что лучше вам самому принять решение.

Ту И давно привык к прямоте Линь Лана, а потому ничуть не удивился резким словам. Государь же нахмурился, вспомнив недавние жалобы цензора Лю Си, и предостерёг:

— Как ни крути, они родня твоей покойной матери. Мне ты можешь говорить всё что угодно, но на людях язык побереги.

— Само собой, — рассмеялся Линь Лан. — Я делюсь подобным лишь с теми, кого искренне люблю и кому доверяю.

Этот бесхитростный ответ вновь растопил сердце старого правителя, а Ту И тайно возликовал, услышав, что юноша считает его близким человеком.

Император задумчиво погладил седую бороду:

— Лан-эр, скажи честно: неужто я так уж стар?

— Что за глупости? — покачал головой юноша. — Вы полны сил и бодрости, Лао-е-цзы! Любой юнец позавидует!

— Вот и отлично, — закивал старик. — В таком случае, Ту И... Ты ведь не обидишься на отца, если я заберу эту девицу себе?

Принц ответил без малейшего промедления:

— У меня нет невесты, отец. О какой обиде может идти речь?

Государь одобрительно хмыкнул, а Линь Лан округлил глаза:

— Лао-е-цзы, неужели вы хотите взять мою кузину в свой гарем?

Старик не ответил прямо, лишь хитро прищурился:

— Одной забавой больше, одной меньше — какая разница? На наши с тобой отношения это никак не повлияет.

Линь Лан согласно кивнул, а про себя злорадно подумал: «Хотели как лучше, а вышло как всегда. Госпожа Ван так пеклась о возвышении дочери, а в итоге та угодила в когти к старому дракону. Едва Цзя Юаньчунь переступит порог императорского гарема, другие наложницы сожрут её живьём. Великая радость обернётся великой бедой».

Государь оказался мастером тонкой издёвки и нарочно огласил указ именно в день рождения Цзя Чжэна. Получив известие, обитатели поместья Цзя вместо бурного ликования застыли в немом оцепенении. Они до последнего надеялись, что Юаньчунь отдадут за молодого принца, а не за увядающего монарха. Будь император моложе лет на десять, их восторгу не было бы предела, но сейчас... Как бы то ни было, отступать было некуда. С натянутыми улыбками господа из дома Цзя принялись рассылать гонцов во все концы, шумно празднуя мнимую милость.

<http://bllate.org/book/18219/1761021>